

УДК 396.4

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-5-150-160

М. В. Васеха

*Институт этнологии и антропологии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН
Ленинский проспект, 32а, Москва, 119991, Россия*

maria.vasekha@gmail.com

**«КРЕСТЬЯНКА ГРАМОТНАЯ»:
ЛИКБЕЗ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И КОНСТРУИРОВАНИЕ
НОВОГО ПАТТЕРНА ЖЕНСКОГО ПОВЕДЕНИЯ
В 1920-Е ГОДЫ**

Статья посвящена анализу механизмов внедрения нового паттерна женского поведения – «крестьянки грамотной» – в первое десятилетие советской власти. Фактор женской неграмотности стал одним из существенных препятствий при реализации ранней советской политики строительства «нового быта». Научить женщин читать, писать и считать было базовым этапом при воплощении конструкта «новой советской женщины» в рамках советской утопии. По сути, именно после получения этих элементарных навыков можно было говорить о следующих этапах политики в отношении женщин: реализации тезиса о равноправии полов, вовлечении в общественную и политическую жизнь, работу на руководящих должностях, атеистическую кампанию, комплекс работ по линии охраны материнства и младенчества и в целом производить трансформации жизненных стратегий и ценностей. Автор высказывает предположение о том, что провал политики ликбеза и слабое вовлечение девочек в школьное образование в Западной Сибири в 1920-х гг. стали ключевыми причинами того, что образ русской крестьянки в Сибири в этот период еще во многом соответствовал представлениям о роли, функциях и месте женщины в «традиционном» обществе.

Ключевые слова: Западная Сибирь, 1920-е годы, ликбез, политика «раскрепощения» женщин, сибирские крестьянки, паттерны поведения, социальный конструктивизм.

Изменились девки наши,
Девоч наших не узнать:
Дуни, Поли, Клаши, Маши
Книжки начали читать.
Раньше время на вечерки
Мы без пользы тратили.
Книг теперь имеем горки,
Стали мы читатели.

*Из журнала «Красная сибирячка»
[1925. № 5. С. 13]*

Ранняя советская политика ликвидации неграмотности – весьма популярная тема среди отечественных историков. Большинство работ было создано еще в советский период, что наложило на них определенные ограничения: при широком фактическом материале эти исследования носили несколько одностороннюю, идеологически ангажированную трактовку процесса (см., например, [Подружин, 1965; Соколов, 1969] и др.). Анализ постсоветской литературы показал, что сегодня проблема разрабатывается не менее интенсивно, но прева-

Васеха М. В. «Крестьянка грамотная»: ликбез в Западной Сибири и конструирование нового паттерна женского поведения в 1920-е годы // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 5: Археология и этнография. С. 150–160.

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Том 17, № 5: Археология и этнография

© М. В. Васеха, 2018

лируют региональные исследования, опирающиеся на статистические сведения и материалы архивов¹.

Настоящее исследование базируется как на архивных статистических данных, так и на материалах сибирской прессы 1920-х гг. Оригинальность и новизну ему придают материалы полевых этнографических исследований, что позволяет автору дополнить историческую картину, увидеть сухие данные отчетов и статистические сведения под другим углом зрения.

Рассмотрение механизма реализации масштабного советского проекта по ликвидации неграмотности среди взрослых сибирячек через попытку внедрения нового паттерна женского поведения («женщины грамотной») в первое десятилетие советской власти и является основной целью статьи.

В начале 1920-х гг. грамотные мужчины в городах Сибири составляли 61,2 %, а в сельской местности – 26,7 %, грамотные женщины – соответственно 46,9 и 9,2 % [Профессиональное движение, 1923. С. 35–37]. Фактически 90,8 % сибирских крестьянок были неграмотными. Сибирь по показателям грамотности населения сравнению отставала от Европейских губерний России. В 1920 г. на 1 000 человек в Европейской России приходилось 330 грамотных, в Западной Сибири – только 218 человек. Таким образом, из 7 683 499 сибиряков неграмотные составляли более пяти миллионов человек [Перспективы ликвидации неграмотности..., 1923. С. 119]. В 1919 г. вышел Декрет о ликвидации неграмотности², согласно которому все не умеющие читать граждане в возрасте от 8 до 50 лет должны были учиться.

Фактическая работа по ликвидации неграмотности в Сибири началась в 1920 г., когда Сибревком организовал Сибирскую чрезвычайную комиссию по ликвидации неграмотности. Первостепенной ее задачей значилось обучение молодежи в возрасте от 14 до 29 лет, а целью – ликвидировать «взрослую» неграмотность в течение 6–8 лет [Сибревком..., 1959. С. 471].

В 1920–1921 г. работа по организации ликпунктов пошла довольно бодро – начали работу почти 5 000 пунктов по всей Сибири [Перспективы ликвидации неграмотности..., 1923. С. 119]. Однако в связи с началом новой экономической политики, такую работу в 1921–1922 учебном году ослабил перевод политико-просветительских учреждений с государственного снабжения на местный бюджет. Это привело к тому, что сибирские педагоги назвали «крахом» новой работы по ликвидации неграмотности. Количество ликпунктов по Сибири с 1921 на 1922 г. сократилось с 4 832 до 115, т. е. до 2,3 % (что было характерно для всей страны). Несмотря на то что в 1923–1924 гг. опять начался рост числа пунктов ликвидации неграмотности, кампания была уже гораздо менее массовой. В марте 1924 г. в Сибкрае было создано отделение Общества «Долой неграмотность», активными членами общества были женщины-активистки. На средства Общества в Сибири содержалось 30 % всех ликпунктов. Благодаря его работе в 1924 г. в Сибири действовало 630 новых, ранее не существовавших, учреждений по обучению населения, причем 250 из них финансировались из местных бюджетов³.

По итогам переписи населения 1926 г., доля грамотных женщин Западной Сибири в селах составляла 13,4 % против 9,2 % в 1920 г. Увеличение числа грамотных крестьянок на 4,2 %, помимо «успеха» работы ликпунктов, можно «списать» и на тот факт, что при переписи 1926 г. был снижен критерий грамотности. В погоне за числом обученных, к таковым причисляли тех, кто хотя бы немного выучивался читать, но не умел писать. Наиболее высокий уровень грамотности среди женщин приходился на возраст от 15 до 29 лет (от 15 до 19 лет –

¹ Н. П. Овчинникова сфокусировалась на материалах северных губерний России [2009], М. Ю. Харитонов описал опыт организации государственной образовательной политики в Чувашии в 1920-е гг. [2012], Я. И. Петрова рассматривает ликбез как социальный проект на материалах Самарской губернии [2007]. На сибирских материалах о ликвидации неграмотности среди женщин писали И. А. Рябцева [2003] и М. И. Воробьева [2003]; Т. В. Сарычева затронула узкий аспект внедрения физического воспитания в систему народного просвещения Западной Сибири в 1920-х гг. [2015]. Особняком стоит монография историков К. Е. Зверевой и В. А. Зверева «Как Сибирь училась читать: школа, грамотность и книга в русской деревне конца XIX – начала XX века» [2013], где характеризуются состояние и историческая динамика грамотности сельского населения Сибири, роль школы в образовании и просвещении русского крестьянства на начальном этапе модернизации деревенского сообщества Сибири.

² ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 2. Д. 1. Л. 38–40.

³ ГАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1185. Л. 96.

31 %; от 20 до 29 лет – 30,7 %). Наименее грамотными оказались женщины в возрасте старше 50 лет. Таким образом, разница в уровне грамотности мужчин и женщин значительно увеличивалась не в пользу женщин с повышением возрастной категории. Если грамотных женщин до 29 лет было примерно в 2 раза меньше, чем мужчин, то в возрасте 30–39 лет – уже почти в 3 раза, а в категории 40–49 лет – в 5 раз [Всесоюзная перепись..., 1928. С. 20–30].

Программа работы с женщинами предполагала не только создание пунктов ликвидации неграмотности, но использование женских клубов, организацию сельхозкурсов, курсов для коммунарок и воскресных школ. Задачей номер один ставилось обучение письму, чтению и счету. Предполагалась и вторая ступень «взрослого» образования – школы малограмотных, в которых расширялись и закреплялись азы основных предметов начального образования. Для женщин, уже вовлеченных в общественную жизнь, например ставших делегатками и хорошо зарекомендовавших себя на делегатских собраниях, предполагалось получение дальнейшего образования. Это могли быть профтехнические, кооперативные, сельскохозяйственные, юридические курсы, курсы советского строительства, охраны материнства и младенчества или рабфаки. Однако вовлечение женщин в дальнейшую активную политическую деятельность в значительной мере затрудняла их неграмотность. Так, в 1927 г. в Томском округе из 5 032 делегаток 1 560 были совсем неграмотными [Контрольные цифры..., 1929]. Этот факт красноречиво свидетельствует не только об «успехах» программы ликбеза, но и об общей ситуации по «женскому вопросу» в Западной Сибири. В общественно-политическую жизнь приходилось вовлекать совсем не подготовленных для этого женщин, не умеющих даже читать и писать.

Помимо общих проблем ликбеза – недостатка финансирования, катастрофической нехватки подходящих для занятий помещений, малого числа учителей, особенно квалифицированных, была и еще одна серьезная проблема сельского образования в Сибири – «рецидив безграмотности» [Сильвич, 1923. С. 119–124] у большинства выпускников. Под «рецидивом безграмотности» подразумевались частые случаи, когда выпускник курсов ликбеза или младшей школы по истечении некоторого времени терял навыки письма, чтения и счета, т. е. вновь, по сути, становился безграмотным. Автор отмечал, что нередким явлением в Сибири бывало, когда выпускники, особенно погруженные в домашние дела женщины, через какое-то время «утрачивали интерес к своему духовному развитию, к дальнейшему накоплению знаний, к осмысливанию окружающего <...> Уровень снижается еще до низшей стадии развития». Столь массовый рецидив безграмотности автор частично объяснял низким уровнем общего развития и низкой квалификацией сельского учительства. Схожие проблемы «возвращения в первозданное состояние» отмечали и работники пунктов по ликвидации неграмотности: «Кампания 1920–1921 гг. показала нам те ошибки, которые мы не должны допускать теперь. <...> Погоня за количеством в ущерб качеству: десятки тысяч ликпунктов выпускали сотни тысяч грамотеев, которые через несколько месяцев возвращались в первобытное состояние и сводили всю работу и колоссальные расходы на нет» [Перспективы ликвидации неграмотности..., 1923. С. 119]. Педагоги отмечали и «перегибы» кампании 1920–1921 гг., «когда принуждение принимало настолько уродливые формы, что некоторые “ликвидаторы” в качестве мер воздействия доходили до “каталажки”» [Там же. С. 121].

Сибирские просветители довольно быстро выявили тот факт, что борьба с женской неграмотностью потребует отдельных усилий. Здесь пришлось столкнуться с комплексом сложных социально-психологических проблем: патриархальными устоями и консерватизмом сибирского крестьянского мира, сложными экономическими и бытовыми условиями, которые препятствовали крестьянкам учиться, а также психологические сложности, связанные с возрастным барьером учениц. В связи с этим учителя, работавшие в ликбезе, отмечали, что для обучения женщин требовались более продолжительные сроки, чем для обучения мужчин.

Финансовые затруднения при переходе к НЭПу привели к закрытию ряда школ в Сибири и единственным средством их существования в сибирских селах стало содержание школ самими крестьянами, как это было в дореволюционные времена. Немаловажной проблемой среди все большего количества сибирских крестьян стала невозможность посылать детей в школу из-за отсутствия у них одежды и обуви в силу общего обнищания населения. Нищающее крестьянство в 1920-х гг. часто не могло себе позволить содержать школу и учителя в деревне. Так, например, на IV Пленуме Бийского окрисполкома тов. Вертен-

никовым давалась следующая характеристика школьному обучению: «Ребятишки, окончив школу, плохо читают, пишут и не знают арифметики. Учителя халатно относятся к своей работе, ищут побочного заработка»⁴. В 1928 г. в отчете по Славгородскому округу Сибкрая говорилось о том, что большинство школьных зданий пришло в полную ветхость, а некоторые сельские школы размещались в избах и даже банях [Жиленков, 1928. С. 113].

В такой ситуации еще сложнее обстояли дела с обучением юных сибирячек. Во всевозможных отчетах на страницах сибирской прессы обращалось особое внимание на низкое посещение школы девочками: на 10 мальчиков приходилась 1 девочка⁵. Сельчане считали, что азы грамотности совершенно не пригодятся девочкам в их жизни, и что женские рабочие навыки намного важнее. Полевые этнографические материалы свидетельствуют о том, что родители часто выступали против желания дочерей обучаться в школе. Из-за этого немало пожилых женщин 1910–1920-х гг. рождения остались неграмотными или малограмотными на всю жизнь, за что впоследствии обижались и испытывали чувство неполноценности. Например, мать Татьяны Ивановны Шадринной (в дев. Толмачевой), 1910 г. р., не пустила ее учиться по причине того, что осталась солдаткой с пятью детьми, и Татьяне нужно было помогать в домашней работе⁶. Татьяна Ивановна вспоминала про свои слезы за прялкой, когда братья уходили в школу, а ей приходилось оставаться дома. «Девочки в школу просились, а их не пускали, считали, что более важное для них занятие – прясть. Бывало, сестра обнимет прясницу, да ревет, в школу охота», – вспоминала П. О. Сибирцева, 1912 г. р. из с. Ордынское Новосибирской области [Фурсова, 1998. С. 108].

Воспоминания учащихся тех лет создают такую картину: многих мальчиков родители насильно заставляли ходить в школу («ходили после порки»⁷), а девочки, которые все-таки попадали за школьную парту, учились с гораздо большей охотой и старательностью, хотя родители предпочитали, чтобы они оставались дома прясть.

На фоне общей нехватки учителей, не говоря уже о квалифицированных, а тем более идеологически выдержанных специалистах, крестьяне часто не доверяли своих детей командированным в деревни «красным» педкадрам. Такие молодые специалисты не всегда находили общий язык с местным населением. В основе крестьянского неприятия, помимо страха втягивания «в коммунию», могли лежать личностные причины, особенности характера приезжавших учителей и даже гендерный признак. В дневнике 17-летней учительницы с. Копкуль Купинского района Мильды Гиртовны Ритмейстер, присланной обучать сибирских детей из Латвии в 1925 г., сообщается, что работа молодой советской учительницы в Сибири началась совсем не гладко: «Вот я и в Копкуле. Учительница, даже завшколой. <...> У моей квартиры толпятся парнишки и довольно громко говорят: “Комсомолка, видели у нее значок... Меня к такой в школу не пустят” <...>» [Судьба учителя, 2001. С. 39]. Через неделю совсем еще молодая учительница М. Г. Ритмейстер пришла на крестьянское собрание, о чем сделана запись: «Ни одной женщины. Им не положено решать дела общества. Старики усмехнулись: “Зачем приехала? Нам така девчонка не надобна. Учитель нужон! Строгий, сурьезный”. Я ответила, что уезжать не собираюсь, а пришла объявить, что завтра начну запись учеников в школу. Старики почти хором: “Не признаем таку учительшу!” <...> В школу на запись ни один ученик не пришел, мои объявления о начале школьных занятий кто-то по-срывал. Тогда я пошла по всем дворам и записала в школу 80 человек, среди них только 26 девочек...» [Судьба учителя, 2001. С. 41]. В глазах сибирских крестьян приехавшая учительница была «чужой», пропагандисткой такой же чуждой крестьянам идеологии, ситуацию усугублял и тот факт, что она являлась одинокой незамужней женщиной.

Еще одними агентами ликвидации неграмотности среди взрослых, в особенности среди женщин, представлялись советским идеологам школьники. Ставка делалась на молодое поколение, по сути детей-пионеров, которые должны были «выполнять заветы Ильича», «организовывать вокруг себя тысячи ребят», «проникать во все поры деревенской жизни», «помогать укреплять новый быт» [Пионеры – по стопам Ильича, 1925. С. 27] и т. д. Очевидно, что через пионеров в «темные» сельские семьи должны были проникать просвещение

⁴ ГАНО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 27. Л. 83.

⁵ Там же. Л. 75–79.

⁶ По сведениям информатора Т. И. Шадринной.

⁷ По сведениям информатора А. Д. Ческидовой.

и плоды советской культурной революции. Так, например, на страницах «Красной сибирячки» пионерка Лида из Кузнецка Томской губернии сообщала, что сын сторожихи Хорьковой, пионер 2-го отряда, учит мать грамоте: «Как придет из школы и пристанет – читать, да и только. А то законы давай учить: того мама делать нельзя, да другого. Учиться, говорит, надо, Ленин велел» [«Учиться надо...», 1925. С. 27].

В журналах 1920-х гг. активно публиковались не только пропагандистские рассказы, где дети выступали агентами советской власти, «учили» взрослых, но и частушки-агитки на эту тему:

Дома Ванька тятюку с мамкой
Слушать чтение приучил.
Каждый день домой с газетой
Вести новые носил.
Завсегда наш Ванька в смычке
С деревенским мужиком,
Первым он в избе-читальне
Копошится с молотком.

Полевые этнографические материалы автора свидетельствуют о том, что советские новации в быту в сибирской деревне первой начала воспринимать молодежь «российских» переселенцев начала XX в. (южнорусские, украинские, белорусские) как наиболее незащищенные в социально-экономическом плане слои населения.

Проблемы психологического и мотивационного характера ликбеза среди женщин советские идеологи пытались преодолевать с помощью средств пропаганды. Лозунг «Одна газета – на десять дворов!» призывал выписывать газеты и читать их крестьянам и особенно крестьянкам. Рекомендовались журналы «Крестьянка», «Красная сибирячка», «Делегатка» и другие массовые издания. На страницах женской прессы, безусловно, велась активная пропаганда женского образования как базового элемента в политике «раскрепощения женщин». Эти средства массовой информации были мощным рычагом влияния на общественное сознание, с их помощью проводилась работа по моделированию новых женских жизненных сценариев, паттернов поведения [Васеха, 2015].

В Сибири 1920-х гг. локальным средством агитации был специализированный женский журнал «Красная сибирячка». Именно на его страницах велась широкая разъяснительная работа о необходимости женского образования в основном для грамотных жен-активисток, сельских делегаток и учительниц. Предполагалось, что грамотные сельянки будут транслировать прочитанную информацию своим неграмотным односельчанкам, например, во время коллективных чтений. Материалы журнала апеллировали к эмоциям сельских жительниц, в художественных рассказах о нелегких женских судьбах поднимались насущные вопросы пьянства мужей, домашнего насилия, угнетения женщин и пр. Здесь же публиковалась информация о ликбезе среди крестьянок «с мест», однако, поскольку журнал был агитационным рупором, существуют сомнения насчет репрезентативности этих материалов, т. е. насколько точно они отражали реальную картину. Эти идеологически «просеянные» и «причесанные» заметки дают современному исследователю представления о новых внедряемых жизненных стратегиях и паттернах поведения для сельянок во время сибирской кампании по ликвидации неграмотности в 1920-х гг.

Так, например, в заметке «Как я научилась читать» [Полякова, 1925] крестьянкам дается ориентир, по сути пошаговая программа действия. Делегатка Полякова из с. Колпашево Томской губернии описывала свой случай как типичную для тех лет ситуацию: пошла в вечернюю школу, уговорив мужа остаться с ребенком, но малыш раскричался, и муж больше не захотел оставаться с ним. Однако Полякова не смирилась с ситуацией и нашла выход: попросила соседку-делегатку приходить по вечерам и показывать, что они проходят в школе. «Днем, сидя за пряхкой, я руками работала, а глазами смотрела в букварь... таким образом через два месяца я научилась читать» – резюмировала женщина. Конечно, такой случай можно считать единичным для того времени, многие женщины как раз не понимали, для чего им «ломать голову», если можно «прожить и без грамоты».

Самыми популярными средствами пропаганды были художественные произведения: рассказы, были, фельетоны и пр. В рассказе в форме жизненной истории «Пятьдесят лет была неграмотна» (сам автор определил жанр как «быль») живописалось о том, как старшая женщина («хозяйка») большого семейства вместе с внучкой записалась в ликпункт. Кузьмовну Дубову, решившую учиться в 50 лет, сначала семья не поддержала. Старшая сноха испуганно спросила: «А кто же у нас будет стряпать», на что ей возрастная ученица ответила: «50 лет прожила неграмотная, а теперь при советской власти хочу учиться». Со временем домашние «на молодую и старую учениц смотрели тихо и улыбались». Показательно, что Кузьмовна училась писать сакраментальную фразу: «Мы не рабы, рабы не мы». А в день торжественного выпуска произнесла пламенную речь: «Товарищи рабочие, отпускайте своих жен учиться. Я 50 лет была неграмотная, а теперь, спасибо Советской власти, научилась, да вот еще вам сегодня стихи рассказала» [Зацепин, 1925]. История Кузьмовны логично для того времени завершается ее избранием делегаткой от женщин района, что транслировалось как высшее жизненное достижение крестьянок.

В художественных рассказах, затрагивающих вопросы образования женщин, опубликованных в журналах 1920-х гг., описывалась характерная реакция семьи на эту проблему. Так, например, в рассказе «В путь-дорогу» повествуется о молодой вдове Марине, которая собралась в город получать образование. На подобное пожелание дочери старик-отец заявил: «Голову сорвешь, вот увидишь. Разве можно нашему брату за такие пустяки приниматься? До барыни не дорастешь, а от нашего брата оторвешься. Куда будешь годиться?» Мать героини рассказа также считала, что важнее Марине было бы выйти замуж, «пока не устарела, мужика подыскать, чтобы люди пальцем не показывали...». В то же время в рассказе задавался алгоритм поведения в случае подобных реакций со стороны деревенского сообщества – дочь ответила обличительной речью о крестьянском отношении к женщине и традиционным семейным ценностям в целом: «Пожила уже с одним мужем, нагладелась на бабью долю – сласти немного. Хорошая баба, по-вашему, к дому радельная. В книжку глядеть начнешь – нехорошая баба, бездомовница. Про бабу и говорить нечего. Не человек она, не то и на самом деле кобыла какая. Муж едет, шею грызет, свекровь шею грызет. Вся наша беда в темноте, неграмотности. Теперь в город собираюсь, учиться хочу» [Неверов, 1926]. Безусловно, такой рассказ носил пропагандистский характер, в нем была заложена новая женская поведенческая программа: получать образование, уходить из деревни в город, чтобы работать на благо советской власти.

Женская пресса в изобилии публиковала рассказы и «истории из жизни», где молодежь была умнее старших, «знала науку» и «учила жить» своих родителей. Например, в рассказе «Грунины каникулы» [Земальник, 1925] повествовалось, как 19-летняя Груня вернулась в деревню после окончания техникума. Она «с порога» заявила семье: «Не на отдых я приехала, мама. Я теперь ведь ученая, буду помогать вам в хозяйстве». Если учесть, что деревенским детям традиционно вменялось в обязанность помогать родителям, то ничего удивительного в этих словах не было. Новым было то, что образованная Груня взяла инициативу по выхаживанию скота в свои руки, отвергая полностью неэффективный родительский опыт, но используя ветеринарные знания. Хорошие результаты работы заставили отца признать авторитет дочери. В итоге отец Груни произнес сакральные для советской власти слова: «Другие времена пришли. Мы век прожили, ничему не научились, ничего не знали и умрем нищими. Ты, Груня, свет мне показала <...>. Вы теперь хозяева, ведите хозяйство, а мы со старухой будем вашими подначальниками. Езжай, Груня, доучивайся, а приедешь, нас стариков учить будешь».

При высокой декларативности проблемы всеобщей ликвидации безграмотности в 1920-е гг. можно констатировать, что в Сибири не удалось добиться заметных результатов в этом вопросе ни среди взрослых крестьянок, ни среди сельских девочек школьного возраста. Факт того, что «до 1928/29 г. размах работы по ликбезу в Сибири оказался незначительным», был признан даже современниками событий [Итоги развития..., 1934. С. 87]. В процессе проведения сибирской кампании ликбеза в 1920-х гг. обучение сельских девочек и женщин в сравнении с мальчиками и мужчинами было осложнено патриархальными установками, консерватизмом мужчин, загруженностью домашней работой и в целом отсутствием мотивации у взрослых женщин учиться. Более того, в общественном мнении сельского общества счита-

лось, что образование будет мешать женщине реализовывать свои основные функции жены, матери и хозяйки. В период 1920-х гг. «женщина хозяйственная» обладала значительно более высоким статусом, чем «женщина грамотная», несмотря на конструирование и внедрение нового паттерна женского поведения. Новыми возможностями дальнейшего обучения пользовались лишь единицы крестьянок-сибирячек, чаще молодые девушки, в основном «по партийной линии». Таким образом, немало пожилых женщин 1910-х – начала 1920-х гг. рождения остались неграмотными или малограмотными.

Ставка советской власти была сделана на молодое поколение, в том числе незамужних, которым в будущем предстояло воспитывать собственных детей. Именно они должны были принести в село новые ценности, создавать «новый быт» и распространять плоды просвещения, обучать стариков жить по-новому. Вовлеченные в общественное воспитание дети, по задумке советских идеологов, должны были стать не только примером для своих родителей, но и внутрисемейными агентами влияния.

Возможно, провал политики ликбеза и слабое вовлечение девочек в школьное образование в Западной Сибири в 1920-х гг., стали ключевыми причинами того, что образ русской сибирской крестьянки в этот период еще во многом соответствовал традиционным представлениям о роли, функциях и месте женщины. Только в 1930-е гг., когда политика ликвидации неграмотности начала приносить первые плоды [Рябцева, 2003. С. 79], вкпе с процессами раскрестьянивания и массовыми репрессиями стали серьезно трансформироваться традиционные представления об образе женщины-крестьянки, ее роли в семье и общественной жизни [Васеха, 2017. С. 66].

Список литературы

Васеха М. В. Влияние женской всесоюзной и сибирской прессы 1920-х гг. на формирование новых поведенческих моделей сибирячек // Вестн. РУДН. Серия: История России. 2015. № 3. С. 60–70.

Васеха М. В. «Новая советская женщина»: конструирование образа в 1920-е годы (по материалам юга Западной Сибири) // Вестн. РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 2 (87). С. 57–67.

Воробьева М. И. Ликвидация неграмотности женщин Западной Сибири (1929–1937 гг.) // Наука и образование: Материалы Всерос. науч. конф. Секция история. Белово: Изд-во КемГУ, 2003. С. 62–68.

Всесоюзная перепись населения 1926 г. Сибирский край. М.: Центр. упр. статистики СССР, 1928. Отд. 1: Народность, родной язык, возраст, грамотность. 339 с.

Жиленков. Культурная революция в Славгородском округе // Жизнь Сибири. 1928. № 9–10. С. 110–115.

Зацепин К. Пятьдесят лет была неграмотна. Быль // Красная сибирячка. 1925. № 5. С. 24–25.

Земальник П. Грунины каникулы // Красная сибирячка. 1925. № 1. С. 20–22.

Зверева К. Е., Зверев В. А. Как Сибирь училась читать: школа, грамотность и книга в русской деревне конца XIX – начала XX века. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2013. 237 с.

Итоги развития народного хозяйства и культурного строительства Западной Сибири за первое пятилетие (1928–1932 гг.) Новосибирск: [Б. и.], 1934. 259 с.

Контрольные цифры. Социально-культурное строительство // Жизнь Сибири. 1929. № 7–8. С. 99–100.

Неверов А. В путь-дорогу // Крестьянка. 1926. № 7. С. 4–6.

Овчинникова Н. Н. Ликвидация неграмотности в северных губерниях в 1920-е годы: успехи и трудности // Вестн. Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2009. С. 11–16.

Перспективы ликвидации неграмотности в Сибири // Сибирский педагогический журнал. 1923. № 2. С. 119–121.

Петрова Я. И. Ликбез как социальный проект (на материалах Самарской губернии, 1920–1930-е годы) // Журнал исследований социальной политики. 2007. Т. 5, № 4. С. 519–539.

Пионеры – по стопам Ильича // Красная сибирячка. 1925. № 1. С. 27.

Подружин Г. И. Ликвидация неграмотности взрослого населения Западной Сибири в годы первой пятилетки (1928–1932 гг.) // Сибирь в период строительства социализма и перехода к коммунизму. Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1965. Вып. 2: Культурное строительство в Сибири. С. 104–127.

Полякова. Как я научилась читать // Красная сибирячка. 1925. № 9. С. 21.

Профессиональное движение. 1923. № 3–4.

Рябцева И. А. Ликвидация неграмотности женщин Западной Сибири в 1920–1930-х гг. // Вопросы истории Сибири XX века. Новосибирск: [Б. и.], 2003. Вып. 6. С. 70–80.

Сарычева Т. В. Становление физического воспитания в системе народного просвещения в Западной Сибири в 1920-е годы // Вестн. Том. гос. ун-та. 2015. № 391. С. 140–147.

Сибревком. Август 1919 – декабрь 1925: Сб. документов и материалов. Новосибирск: [Б. и.], 1959. 471 с.

Сильвич. «Школа для деревни или деревня для школы» (К вопросу о типе сибирской сельской школы) // Сибирский педагогический журнал. 1923. № 3. С. 119–134.

Соколов Ю. Ф. Ликвидация неграмотности и малограмотности и повышение общеобразовательного уровня среди трудящихся масс Западной Сибири (1933–1937 гг.). // Вопросы истории Сибири. Серия историческая. Томск: Изд-во ТГУ, 1969. Вып. 4. С. 253–261.

Судьба учителя // Судьба человеческая / Новосиб. гос. обл. дом народного творчества. Новосибирск, 2001. 97 с.

Фурсова Е. Ф. Традиции обработки льна у восточных славян Верхнего Приобья // Русские Сибири: культура, обычаи и обряды. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. С. 97–128.

Харитонов М. Ю. Опыт реализации государственной образовательной политики в Чувашии в 1920-е годы (гендерный аспект) // Вестн. Чуваш. ун-та. 2012. № 4. С. 61–66.

«Учиться надо – Ленин велел», – этим наполняют пионеры жизнь семьи // Красная сибирячка. 1925. № 1. С. 27.

Список источников

ГАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1185. Л. 96; Ф. 47. Оп. 1. Д. 27. Л. 75–79, 83.

ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 2. Д. 1. Л. 38–40.

Список информантов

Ческидова Анна Денисовна, 1915 г. р., дер. Малышево Барнаульского уезда. По линии отца приехали из Смоленской губернии, по линии матери – из Курской.

Шадрина Татьяна Ивановна, 1910 г. р., дер. Шубинка Зонального района Алтайского края. Родилась в Шубинской волости Бийского уезда Томской губернии.

Материал поступил в редколлегию 15.03.2018

M. V. Vasekha

*Institute of Ethnology and Anthropology N. N. Miklukho-Maklay RAS
32a Leninsky Ave., Moscow, 119991, Russian Federation*

maria.vasekha@gmail.com

«PEASANT LITERACY»: EDUCATIONAL PROGRAM IN WESTERN SIBERIA AND THE CONSTRUCTION OF A NEW PATTERN OF FEMALE BEHAVIOR IN THE 1920'S

Purpose. The article analysis the mechanisms of inculcation for a new pattern of female behavior – «literate peasant women» and the peculiarities of the process of illiteracy elimination among Siberians in the first decade of Soviet authority. In the early 1920's. literate men in the cities of Siberia accounted for 61.2 %, and in rural areas – 26.7%, literate women – respectively 46.9 % and

9.2 %. In fact, 90.8 % of Siberian peasant women were illiterate. Women's program consists not only the points illiteracy, but women's clubs, organization of agricultural courses and Sunday schools. Paramount task was learning to write, read and count. It was assumed and the second stage of «Adult» education – schools of half-educated with basic subjects of primary education. The factor of female illiteracy has become one of the significant obstacles in the implementation of the early Soviet policy of building a «new way of life» («novyi byt») and emancipation of women. Teach women to read, write and count was the basic stage in the embodiment of the construct of the «new Soviet woman» within the framework of the Soviet utopia. In fact, after receiving these elementary skills, the following stages of Women policy may began: implementation of the thesis on gender equality, involvement in public and political life, work in leadership positions, atheistic campaign, a complex of work on maternity and infancy, and in general, to produce global transformations of women's life strategies and values.

Results. The early Soviet policy on eliminating illiteracy is a very popular topic among Russian historians. Most of the works were created during the Soviet period, which imposed certain restrictions on them: with extensive factual material, these studies bore a somewhat one-sided, ideologically biased interpretation of this process. An analysis of post-Soviet literature showed that today the problem is being worked out no less intensively. Regional studies, based on statistical information and archival materials, prevail. This study is based both on archival, statistical data, and on the materials of the Siberian press of the 1920's. The originality of the work is given by the materials of field ethnographic research, which allows the author to supplement the historical picture, and, perhaps, see the dry report data and statistical data from a different angle.

Conclusion. The author makes the assumption that the failure of the policy of education and the weak involvement of girls in school education in Western Siberia in the 1920's became one of the key reasons that the image of a Russian peasant woman in Siberia during this period still largely corresponded to the notions of the role, functions and place of a woman in a «traditional» society.

Keywords: Western Siberia, 1920's, literacy campaign, emancipation policy, Siberian peasant women, behavior patterns, social constructivism.

References

«Uchit'sya nado – Lenin velel», – etim napolnyayut pionery zhizn' sem'i [«We must learn, Lenin said», – this is the pioneer life of the family]. *Krasnaya sibiryachka* [Red Siberian], 1925, no. 1, p. 27. (in Russ.)

Fursova E. F. Traditsii obrabotki l'na u vostochnykh slavyan Verkhnego Priob'ya [Traditions of flax processing in the eastern Slavs of the Upper Ob River]. *Russkie Sibiri: kul'tura, obychai i obryady* [Russian Siberia: culture, customs and rituals]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 1998, p. 97–128. (in Russ.)

Itogi razvitiya narodnogo khozyaystva i kul'turnogo stroitel'stva Zapadnoi Sibiri za pervoe pyatiletiye (1928–1932 gg.) [Results of the development of the national economy and the cultural construction of Western Siberia during the first five-year period (1928–1932)]. Novosibirsk, 1934, 259 p. (in Russ.)

Kharitonov M. Yu. Opyt realizatsii gosudarstvennoi obrazovatel'noi politiki v Chuvashii v 1920-e gody (gendernyi aspekt) [Experience in implementing the state educational policy in Chuvashia in the 1920's (gender aspect)]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of the Chuvash University], 2012, no. 4, p. 61–66. (in Russ.)

Kontrol'nye tsifry. Sotsial'no-kul'turnoe stroitel'stvo [Check digits. Social and cultural construction]. *Zhizn' Sibiri* [Life of Siberia], 1929, no. 7–8, p. 99–100.

Neverov A. V put'-dorogu [In the way-road]. *Krest'yanka* [Peasant], 1926, no. 7, p. 4–6. (in Russ.)

Ovchinnikova N. N. Likvidatsiya negramotnosti v severnykh guberniyakh v 1920-e gody: uspekh i trudnosti [Elimination of illiteracy in the northern provinces in the 1920's: successes and difficulties]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences], 2009, p. 11–16. (in Russ.)

Perspektivy likvidatsii negramotnosti v Sibiri [Prospects for the elimination of illiteracy in Siberia]. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal* [*Siberian Pedagogical Journal*], 1923, no. 2, p. 119–121. (in Russ.)

Petrova Ya. I. Likbez kak sotsial'nyi proekt (na materialakh Samarskoi gubernii, 1920–1930-ye gody) [Likbez as a social project (on the materials of the Samara province, 1920–1930's)]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki* [*Journal of Social Policy Studies*], 2007, vol. 5, no. 4, p. 519–539. (in Russ.)

Pionery – po stopam Il'icha [Pioneers – in the footsteps of Ilyich]. *Krasnaya sibiryachka* [*Red Siberian*], 1925, no. 1, p. 27. (in Russ.)

Podruzhin G. I. Likvidatsiya negramotnosti vzroslogo naseleniya Zapadnoi Sibiri v gody pervoi pyatiletki (1928–1932 gg.) [Elimination of illiteracy of the adult population of Western Siberia during the First Five-Year Plan (1928–1932)]. *Sibir' v period stroitel'stva sotsializma i perekhoda k kommunizmu* [*Siberia during the period of building socialism and transition to communism*]. Novosibirsk, SB AS USSR Publ., 1965, iss. 2: Cultural construction in Siberia, p. 104–127. (in Russ.)

Polyakova. Kak ya nauchilas' chitat' [How I learned to read]. *Krasnaya sibiryachka* [*Red Siberian*], 1925, no. 9, p. 21. (in Russ.)

Professional'noe dvizheniye [Professional movement], 1923, no. 3–4, p. 35–37. (in Russ.)

Ryabtseva I. A. Likvidatsiya negramotnosti zhenshchin Zapadnoi Sibiri v 1920–1930-kh gg. [Elimination of illiteracy in Western Siberia in the 1920–1930's]. *Voprosy istorii Sibiri XX veka* [*Questions of the History of Siberia of the XX century*]. Novosibirsk, 2003, iss. 6, p. 70–80. (in Russ.)

Sarycheva T. V. Stanovlenie fizicheskogo vospitaniya v sisteme narodnogo prosveshcheniya v Zapadnoi Sibiri v 1920-ye gody [The formation of physical education in the system of public education in Western Siberia in the 1920's]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [*Bulletin of Tomsk State University*]. 2015, no. 391, p. 140–147. (in Russ.)

Sibrevkom. Avgust 1919 – dekabr' 1925. Sbornik dokumentov i materialov [Sibrevkom. August 1919 – December 1925. Collection of documents and materials] Novosibirsk, 1959, 471 p. (in Russ.)

Sil'vich «Shkola dlya derevni ili derevnya dlya shkoly» (K voprosu o tipe sibirskoi sel'skoi shkoly) [«School for a village or a village for school» (On the question of the type of the Siberian rural school)]. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal* [*Siberian Pedagogical Journal*], 1923, no. 3, p. 119–134. (in Russ.)

Sokolov Yu. F. Likvidatsiya negramotnosti i malogramotnosti i povyshenie obshcheobrazovatel'nogo urovnya sredi trudyashchikhsya mass Zapadnoi Sibiri (1933–1937 gg.). [Elimination of illiteracy and illiteracy and raising the general educational level among the working masses of Western Siberia (1933–1937)]. *Voprosy istorii Sibiri. Seriya istoricheskaya* [*Questions of the history of Siberia. Historical' series*]. Tomsk, TSU Publ., 1969, iss. 4, p. 253–261. (in Russ.)

Sud'ba uchitelya [The fate of the teacher]. *Sud'ba chelovecheskaya* [*The fate of man*]. Novosibirsk, Novosibirsk State Regional House of Folk Art Publ., 2001, 97 p. (in Russ.)

Vasekha M. V. «Novaya sovetskaya zhenshchina»: konstruirovaniye obraza v 1920-ye gody (po materialam yuga Zapadnoi Sibiri) [«The New Soviet Woman»: Designing the Image in the 1920's (Based on the Materials of the South of Western Siberia)]. *Vestnik Rossiiskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [*Bulletin of the Russian Fond of Fundamental Research. Humanities and Social Sciences*], 2017, no. 2 (87), p. 57–67. (in Russ.)

Vasekha M. V. Vliyanie zhenskoi vsesoyuznoi sibirskoi pressy 1920-kh gg. na formirovaniye novykh povedencheskikh modelei sibiryachek [The influence of the women's All-Union and Siberian press in the 1920's on the formation of new behavioral models of Siberians]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii* [*Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: History of Russia*], 2015, no. 3, p. 60–70. (in Russ.)

Vorob'yeva M. I. Likvidatsiya negramotnosti zhenshchin Zapadnoi Sibiri (1929–1937 gg.) [Elimination of illiteracy in Western Siberia (1929–1937)]. *Nauka i obrazovaniye. Materialy Vserossiyskoi nauchnoi konferentsii. Sektsiya istoriya* [*Science and Education. Materials of the All-Russian Scientific Conference. Section History*]. Belovo, KemSU Publ., 2003, p. 62–68. (in Russ.)

Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 g. Sibirskii krai [All-Union Population Census of 1926. Siberian Territory]. Moscow, Central Statistical Control of the USSR Publ., 1928, Otd. 1:

Narodnost', rodnoi yazyk, vozrast, gramotnost' [Nationality, native language, age, literacy], 339 p. (in Russ.)

Zatsepin K. Pyat'desyat let byla negramotna. Byl' [Fifty years was illiterate. Byl]. *Krasnaya sibiryachka* [Red Siberian], 1925, no. 5, p. 24–25. (in Russ.)

Zemal'nik P. Gruniny kanikuly [Grunya's vacation]. *Krasnaya sibiryachka* [Red Siberian], 1925, no. 1, p. 20–22. (in Russ.)

Zhilenkov. Kul'turnaya revolyutsiya v Slavgorodskom okruge [The Cultural Revolution in the Slavgorod District]. *Zhizn' Sibiri* [Live of Siberia], 1928, no. 9–10, p. 110–115. (in Russ.)

Zvereva K. E., Zverev V. A. Kak Sibir' uchilas' chitat': shkola, gramotnost' i kniga v russkoi derevne kontsa XIX – nachala XX veka [How did Siberia learn to read: school, literacy and a book in the Russian village of the late XIX – early XX century]. Novosibirsk, NSPU Publ., 2013, 237 p. (in Russ.)

For citation:

Vasekha M. V. «Peasant Literacy»: Educational Program in Western Siberia and the Construction of a New Pattern of Female Behavior in the 1920's. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 5: Archaeology and Ethnography, p. 150–160. (in Russ.)

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-5-150-160